

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОСЕТИНОВЕДЕНИЯ: БОРИС ГАТИЕВ

Л. К. ГОСТИЕВА

Борис Петрович (Тотырович) Гатиев родился в 1841 г. в с. Ход Алагирского ущелья [1, 8]. Отец его происходил из почетных старшин, но по своему имущественному положению от других горцев-крестьян не отличался. В 1858 г. он поступил в Тифлисскую духовную семинарию, в которой обучался сначала на средства Осетинской духовной комиссии, а затем — Общества восстановления православного христианства на Кавказе. В 1865 г. Гатиев окончил Тифлисскую духовную семинарию по I (высшему) разряду.

Короткое время Борис поработал учителем в Алагирской двухклассной осетинской школе [2, 28], однако в середине 1866 г. школа была закрыта, и он остался без работы. Учеников школы, в 1 классе которой учился его девятилетний брат Николай, должны были перевести во Владикавказское окружное горское училище. Заботясь о получении младшим братом хорошего образования, Борис Гатиев 18 мая 1866 г. обратился с прошением к управляющему делами Общества восстановления православного христианства на Кавказе графу Левашову, в котором просил направить его брата Николая на учебу в Ставропольскую гимназию [2, 28-29]. Он надеялся, что после окончания гимназии Николай поступит в Горный институт, а после его окончания сможет работать инженером на Алагирском серебряно-свинцовом заводе. Прошение Гатиева было удовлетворено, и в июле 1866 г. Николай Гатиев был направлен на учебу в Ставропольскую гимназию

на средства Общества восстановления православного христианства на Кавказе [2, 16].

Борис Гатиев делал все, чтобы получить высшее духовное образование. С этой целью он обратился к начальнику Алагирского серебряно-свинцового завода, горному инженеру генерал-майору А. Б. Иваницкому, который в январе 1866 г. ходатайствовал перед правлением Тифлисской духовной семинарии о направлении его в Казанскую духовную академию. Правление семинарии пригласило Гатиева явиться «для испытания его в науках», и в июне 1866 г. он «сдал экзамен и оказался к поступлению в Казанскую духовную академию способным и благонадежным» [2, 32]. Возможность поступать в духовные академии имели только те выпускники семинарий, которые окончили их по I (высшему) разряду.

В том же году Гатиев успешно сдал вступительные экзамены по всем предметам семинарского курса и был зачислен сверх штата в высшее духовное учебное заведение — Казанскую духовную академию, в которой содержался за счет Общества распространения православного христианства на Кавказе.

Казанская духовная академия, четвертая и последняя по счету в России, функционировала по образцу Киевской, Московской и Санкт-Петербургской духовных академий. Так называемая старая Казанская духовная академия, созданная в 1798 г. по указу императора Павла I путем преобразования Казанской духовной семинарии,

просуществовала до 1818 г. В 1842 г. Казанская духовная академия была вновь открыта. Основной целью академии была подготовка преподавательских кадров для духовных учебных заведений. Кроме богословских дисциплин, в ней началось преподавание истории (русской, всеобщей, церковной). До преобразования академии в 1870 г. в ней действовал устав 1814 г.

Казанская духовная академия являлась крупным научным центром. В ней велись исследования по богословию, церковному праву, библейской истории, церковной археологии, византологии, расколоведения, философии и филологии.

В 1854-1855 гг. в академии были открыты единственные в дореволюционной России миссионерские отделения, которые являлись научными центрами изучения этнографии, истории, религиозных верований и языков нерусских народов Поволжья, Приуралья и Сибири.

Среди преподавателей академии было много видных ученых: богословы, церковные правоведы и историки Александр Бухарев, Василий Миротворцев, Николай Ивановский, арабист и исламовед Гордий Саблуков, монголовед Александр Попов, тюрколог Николай Катанов, тюрколог, этнограф, историк народов Поволжья и миссионер протоиерей Ефим Малов.

Восточные языки в академии преподавал выдающийся миссионер, педагог и общественный деятель Н. И. Ильминский. Он сформировал свою знаменитую педагогическую систему, сущность которой заключалась в том, чтобы преподавание в школах для нерусского населения, хотя бы на первом этапе обучения, велось на их родном языке. Принципы, лежавшие в основе миссионерской и просветительской деятельности Н. И. Ильминского, стали име-

новаться «системой Ильминского», которая, будучи узаконенной в Правилах от 26 марта 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» Поволжья, Средней Азии и Сибири, существенно повлияла на форму просвещения нерусского населения России.

В период учебы Гатиева в академии, на кафедре русской истории с 1866 г. в звании экстраординарного, а с 1868 г. — ординарного профессора, работал выдающийся представитель российской церковно-исторической науки П. В. Знаменский, автор известного научного труда «Руководство к русской церковной истории» [3]. В 1870-х гг. это учебное пособие было удостоено премии митрополита Макария (Булгакова). С 1855 г. при академии издавался журнал «Православный собеседник», а с 1867 г. — «Известия по Казанской епархии».

Достопримечательностью академии была библиотека. В 1855 г. в нее поступили 1515 рукописей и 83 старопечатных издания из Соловецкого монастыря, собиравшиеся на протяжении нескольких столетий. Эти раритеты дали обильный материал для изучения студентами русской церковной и гражданской истории.

Срок обучения в академии составлял четыре года: два года — на младшем отделении, и два года — на старшем.

Быт студентов регламентировался строгим распорядком. В будничные дни студенты вставали в семь часов утра, в половине восьмого совершалось утреннее молитвенное правило. В девять часов начинались занятия, которые продолжались до двух часов дня. В два часа совершался обед, с трех часов до шести у воспитанников было свободное время, с шести до девяти часов отводилось на самоподготовку. В девять часов студенты ужинали, после

чего совершались вечерние молитвы. До двенадцати часов все укладывались спать. В воскресные и праздничные дни все воспитанники присутствовали на богослужении. Студенты соблюдали посты, а в первую и страстную седмицы Великого поста говели и приобщались Святых Тайн.

Учиться в академии было нелегко. Одним из способов контроля качества образования, ставшего своеобразной особенностью высшего духовного образования, было повышенное внимание к письменным работам студентов. В академии делался упор на освоение навыков самостоятельной исследовательской работы.

Когда Гатиев поступил в академию, то студенты младшего отделения должны были каждый год писать по девять сочинений и по одной проповеди, а с 1868 г. при ректоре Никаноре (Бровковиче) количество сочинений в первые три года обучения было уменьшено до шести. Сочинения писались на русском языке. Темы сочинений были церковно-исторические. Все оставшееся от письменных работ и лекций время у студентов уходило на чтение.

Кроме того, дважды в год проводились экзамены. Все наставники подавали к экзаменам разрядные списки студентов с особыми баллами по успехам, способностям, прилежанию и поданным за год или два года сочинениям [4, 290].

С 1858 г. для всех студентов академии было обязательным изучение немецкого и французского языков. Гатиев столкнулся с большими трудностями при изучении иностранного языка. В 1868 г. Бориса и еще двух студентов с его курса за неудовлетворительную сдачу экзаменов должны были оставить на младшем отделении, но они подали прошение на «конференцию», на которой решался вопрос о разрешении слушать

лекции на старшем отделении. Гатиев в свое оправдание заявил, что «ему трудно было изучать в академии язык, да и прислан он был в академию собственно для изучения русского языка и богословских наук, чтобы сделаться потом деятелем по распространению христианства на Кавказе». «Конференция» дозволила им всем перейти на старшее отделение, но с условием содержаться за свой счет и, если пожелают при окончании курса получить ученую степень, сдать еще новый особый экзамен по предметам младшего отделения» [4, 305-306].

Для оценки студентов, вышедших из академии с учеными степенями, требовалось написание курсового сочинения на степень кандидата богословия. Эти сочинения считались самой важной работой студентов, на которую обращалось особое внимание. Тема курсового сочинения давалась наставником в самом начале последнего года обучения, а затем представлялась через ректора на утверждение правления академии. Гатиев написал свое сочинение на степень кандидата богословия на тему «О заслугах для Отечества Троицко-Сергиевой Лавры в смутное время». Оценка за сочинение зависела от логики исследования, знакомства с основной научной литературой по теме и умения работать с источниками. Об успешности написания Гатиевым письменной работы на кандидатскую степень свидетельствовало то, что его сочинение было издано в 1871 г. в Москве отдельной брошюрой [5].

В 1870 г. Гатиев окончил Казанскую духовную академию, став «студентом с правом на кандидатство через два года» [4, 442]. Это означало, что для получения степени кандидата богословия, он должен отработать два года в духовно-учебном ведомстве.

После окончания академии Гатиев приехал в Тифлис, где находился некото-

рое время в ожидании места. Не дождавшись назначения, он прибыл во Владикавказ и в январе 1871 г. обратился по вопросу трудоустройства к начальнику Терской области М. Т. Лорис-Меликову. В своем отношении к экзарху Грузии архиепископу Евсевию (Ильинскому) от 18 января 1871 г. начальник Терской области писал: «В проезд через Владикавказ представился мне кончивший курс в Казанской Духовной Академии из осетин вверенной мне области Борис Гатиев; он желает служить на родине, оставаясь в духовном звании. Как получивший высшее духовное образование, по моему мнению, он мог бы быть весьма полезен в Крае. Если Ваше Высокопреосвященство не встречаете со своей стороны препятствий к представлению ему учительской должности в аульных школах Осетии по преподаванию Закона Божия, на что он изъявил согласие, то благоволите меня уведомить для дальнейших распоряжений» [1, 4].

Экзарх Грузии архиепископ Евсевий предварительно выяснил мнение по этому вопросу настоятеля тифлисского Спасо-Преображенского монастыря архимандрита Иосифа (Чепиговского), которому духовный комитет при Совете Общества восстановления православного христианства на Кавказе поручил контролировать деятельность священников в Осетии.

5 апреля 1871 г. экзарх Грузии архиепископ Евсевий писал начальнику Терской области о том, что «архимандрит Иосиф имел в виду рекомендовать его на должность миссионера в Осетии, к чему он, Гатиев, и сам готовился. Но пока должность штатных миссионеров в Осетии не открыта. Гатиев же, по бедности своей, не имеет средств содержать себя, то полагает возможным предоставить ему, Гатиеву, временно должность учителя при осетинской школе

в Садоне, где его родина, и поручить ему заниматься как в садонской, так и соседних общинах, проповедованием слова божия с тем, чтобы о деятельности своей и результатах проповеди вел записки и представлял таковые духовному комитету» [1, 4].

Однако поскольку временной вакансии учителя в садонской школе не нашлось, Гатиев остался в своем родном Алагирском ущелье, где на протяжении полутора лет занимался миссионерской деятельностью. Об этом периоде жизни Гатиева начальник Терской области писал обер-прокурору Святейшего Синода: «Студент Гатиев, в ожидании получения какого-либо места по духовному ведомству, без всякого пособия со стороны Совета общества, едва имея насущный кусок хлеба, по бедности его родителей, сам добровольно посвятил себя делу миссионерского служения; около полутора лет, то один, то совместно с осетинскими священниками, переходил он из аула в аул, проповедуя слово божие на родном их языке; не пользуясь и до того цветущим состоянием здоровья, при новых же тяжелых трудах, он еще более расстроил его, как видно из прилагаемого при сем медицинского свидетельства. Несмотря на все это он успел составить подробное описание суеверий и грубых заблуждений осетин, которые всего более служили преградой к надлежащему усвоению им евангельских истин» [1, 9об.].

Более 9 месяцев спустя, в январе 1872 г., Гатиеву было отказано в предоставлении должности учителя Закона Божия в осетинских аульных школах за неимением вакансий.

11 мая 1872 г. Гатиев подал вице-губернатору Терской области полковнику А. М. Смекалову докладную записку, в которой просил допустить его к занятиям в Областном Правлении с содер-

жанием» и «войти с ходатайством об увольнении из ведомства Совета Общества восстановления православного христианства на Кавказе» [1, 5об.]. Прощение Гатиева о поступлении на службу «частным образом» было удовлетворено, и он приступил к канцелярским занятиям в Терском областном правлении, а с сентября того же года на него были возложены обязанности младшего делопроизводителя по лесной части [1, 14].

12 мая 1872 г. Терское областное правление запросило правление Общества восстановления православного христианства на Кавказе о том, чтобы оно разрешило Гатиеву определиться «на гражданскую службу в какое-либо из учреждений Терской области... по неимению и по настоящее время места службы, которое могло бы обеспечить его существование, он терпит крайнюю нужду в жизни, а между тем желает быть полезен как на поприще гражданской службы, так равно и не оставлять и целей общества распространением слова божия в среде осетин, в значительном количестве временно или постоянно пребывающих во Владикавказе» [1, 5]. 17 мая 1872 г. из Совета Общества восстановления православного христианства на Кавказе последовал ответ, что на определение воспитанника Общества Бориса Гатиева на гражданскую службу со стороны Общества «нет препятствий, так как г. Гатиев на этом поприще может оказать Обществу содействие в том или другом виде» [1, 5об.].

24 сентября 1872 г. Терское областное правление направило в адрес Совета Казанской духовной академии прошение, в котором просило его ходатайства перед Святейшим Синодом об увольнении Б. Гатиева из духовно-учебного ведомства и разрешения поступить на гражданскую службу.

29 ноября 1872 г. Совет Казанской духовной академии в своем ответе объявил, что Гатиев «обязан за воспитание его в академии прослужить четыре года в духовно-учебном ведомстве, из которого до выслуги этого срока не может быть уволен без особого разрешения Святейшего Синода» [1, 7об.]. В ответе указывалось, что Гатиев был принят «в числе казеннокоштных воспитанников, да еще сверх штата», и что перед поступлением в число казеннокоштных студентов Казанской духовной академии он давал обязательство в том, что по окончании академического курса будет «служить по духовному ведомству не менее четырех лет и там, где укажет духовное начальство» [1, 7-8]. В ответе Совета академии был приведен 7 п. указа Святейшего Синода от 19 мая 1872 г. за №32, по которому «в случае нежелания вступить на духовно-учебную службу, казеннокоштные воспитанники академии обязываются возратить сполна и единовременно израсходованную сумму на содержание их в академии и семинарии, если они и в последней состояли на казенном содержании; никакие рассрочки во взносе таковой суммы не допускаются» [1, 8].

В итоге Совет академии вынес решение о том, что Б. Гатиев может быть уволен от обязательной службы по духовно-учебному ведомству «тогда только, когда он внесет израсходованные на содержание его в академии 400 руб. (по 100 руб. ежегодно) и на прогоны из Казани до Тифлиса 116 руб. 30 коп., всего 516 руб. 30 коп.» [1, 8]. Эту сумму Гатиев должен был внести в хозяйственное управление Святейшего Синода.

11 апреля 1873 г. начальник Терской области в своем письме к обер-прокурору Святейшего Синода писал, что «студент Гатиев вышел из среды народа» и «решительно не имеет никаких средств

к жизни и потому не в состоянии уплатить вышеозначенную сумму» и просил освободить его от уплаты долга [1, 9об.]. 19 сентября 1873 г. Святейший Синод сообщил свое решение: обязать Б. Гатиева поступить на службу в духовно-учебное ведомство или уплатить «сполна и единовременно деньги в количестве 516 руб. 30 коп.» [1, 10об.-11].

Шли годы, здоровье Гатиева ухудшалось, а дело его так и не решалось. Только 14 января 1876 г. указом Святейшего Синода он был уволен от обязательной службы по духовно-учебному ведомству, но без освобождения от уплаты долга. В указе говорилось, что взыскание израсходованных на него денег приостанавливается «впредь до поправления здоровья и поступления на какую-то службу» [1, 13].

Гатиев пытался устроиться воспитателем во Владикавказское реальное училище, но безрезультатно. Наконец, 10 марта 1876 г. Гатиев был определен на государственную службу в число канцелярских чинов Терского областного правления [1, 13об.]. Но уже 18 марта последовало распоряжение бухгалтеру Терского областного правления об удержании ежемесячно одной трети содержания на погашение «долга в 516 руб. 30 коп.».

Ввиду своего тяжелого материального положения Гатиев подал прошение на «высочайшее имя» с просьбой о сложении с него указанной суммы. 13 апреля 1877 г. статс-секретарь императора князь Долгорукий в своем отношении к начальнику Терской области писал, что прошение Гатиева «оставлено без действия, так как из собранных сведений оказалось, что для облегчения просителя в уплате со стороны духовного ведомства последовало уже распоряжение о рассрочке сего взыскания, сложению же оно не подлежит» [1, 15].

В августе 1877 г. Гатиев подал новое прошение на имя Святейшего Синода. Наконец, 31 мая 1878 г. последовало постановление Святейшего Синода: «С бывшего студента Казанской духовной академии Гатиева сложить сполна всю сумму 516 руб. 33 коп. за казенное содержание его в академии» [1, 15об.]. Таким образом, с начала подачи первого прошения Гатиевым по этому поводу прошло долгих семь лет. За эти годы лишений здоровье его было окончательно подорвано.

11 июля 1879 г. Гатиев был перемещен на должность помощника секретаря уголовного отделения Владикавказского окружного суда [1, 16 об.], но проработал в ней совсем недолго.

Борис Петрович Гатиев скончался во Владикавказе в 1879 г. [6, 84]. У него осталась жена — Аграфена Федоровна Соколова и двое детей — дочь Ольга (род. 14 июля 1874 г.) и сын Федор (род. 28 февраля 1878 г.) [1, 18]. Во Владикавказе семья Гатиевых жила в доме подпоручика Петра Жукаева на Церковной улице (ныне ул. Димитрова).

Нам известны два научных труда, автором которых являлся Б. Гатиев. Один из них — его брошюра «О заслугах для Отечества Троицко-Сергиевой Лавры в смутное время» (66 с.), изданная в 1871 г. в Москве [7]. В своем сочинении на степень кандидата богословия Гатиев описал период Смутного времени, когда российское государство переживало тяжелые испытания и потрясения самих основ жизни русского общества. Это было время прекращения царской династии Рюриковичей и избрания на престол Бориса Годунова.

На основании изучения широкого круга источников Гатиев проследил роль Троице-Сергиевой Лавры в консолидации русских патриотических сил, Монастырь стал одним из оплотов

Второго ополчения Минина и Пожарского. Он выдержал 16-месячную осаду (с сентября 1608 г.) польско-литовских интервентов под предводительством П. Сапеги и А. Лисовского (Троицкая осада). Гатиев отмечал, что у осаждавших было до 30000 человек хорошо обученного войска, а в обители вместе было не более 2,5 тыс. человек (609 ратников, состоящих из дворян, детей боярских, казаков и стрельцов, более 300 человек монастырской братии, более 1000 разных людей, искавших в монастыре убежища, и небольшое количество крестьян) [7, 21]. Из-за тесноты, недостатка хорошей воды и свежей пищи в монастыре началось «морное поветрие», унесшее около тысячи человек. К концу осады в монастыре осталось менее 200 защитников, а из числа постриженных до осады осталось в живых только шесть монахов.

Гатиев отметил большой вклад, который внесли в дело освобождения настоятель монастыря архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын, помогавшие ополчению крупными пожертвованиями и поддерживавшие дух войска. В письмах-грамотах они поднимали дух русского воинства, убеждали собрать силы для защиты Москвы. Сергиева обитель, способствовавшая организации первого земского ополчения, а затем ополчения Минина и Пожарского, пожертвовала на защиту Отечества драгоценные вещи из ризницы, принимала у себя раненых и больных воинов. Гатиев писал, что в течение Смутного времени Троице-Сергиева Лавра пожертвовала огромную сумму — более 65655 руб. [7, 49], причем часть этих денег она послала в Москву в то время, когда сама терпела осаду от поляков.

Труд Гатиева заканчивался концом Смутного времени и началом истории династии Романовых — избранием на

царство Михаила Романова: «Приняв имя царя всея России, Михаил Федорович с матерью и в сопровождении всего посольства, двинулся в столицу и уже (23-го апреля 1613 г.) достиг обители Сергия, где прожил более недели, укрепляясь молитвою пред чудотворными мощами Сергия и Никона. Наконец Дионисий (1-го мая) благословил и проводил юного царя на спасенное от бури царство. Так кончилось смутное время в Русском государстве» [7, 63].

В заключение своего труда о героических страницах Смутного времени, связанного с подвигом защитников Троице-Сергиевой Лавры, Гатиев писал: «И действительно грозные удары смутного времени довели Церковь и государство до окончательного изнеможения и истощения и угрожали им совершенною гибелью, пока не ударились о духовный оплот обители Сергия и окончательно не сокрушились. Смутное время останется в Русской истории знаменательною эпохою, а вместе с тем и заслуги Сергиевой Лавры будут свежи в памяти благодарного русского потомства» [7, 66].

С установлением с 2005 г. российского государственного праздника – Дня народного единства, отмечающегося 4 ноября в память об освобождении Москвы от иностранных интервентов в 1612 г. ополчением Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, интерес к труду Б. Гатиева «О заслугах для Отечества Троицко-Сергиевой Лавры в смутное время» значительно возрос.

Вторым научным трудом Гатиева является этнографическая статья «Суеверия и предрассудки у осетин». В 1871 г. в пяти номерах газеты «Терские ведомости» была опубликована ее первая часть [8], включающая обзор суеверий осетин. В предисловии к статье Гатиев писал: «В настоящее время в Осетии,

благодаря заботливому вниманию трудам и попечениям правительства, восстанавливается христианская религия и вместе с нею последует искоренение нелепых мнений и убеждений. Это, равно и то, что среди осетинского народонаселения открыты народные школы, позволяет надеяться, что недалеко то время, когда свет Евангелия, совокупно с постепенным разумным развитием и образованием массы, рассеет тьму заблуждений и искоренит те грубые понятия и верования, которые теперь так вредно влияют на нравственность и на экономический быт осетин» [9].

Борис Гатиев также указал на заслуги осетинских священников в миссионерской деятельности: «Отраднo явление, что в Осетии усиливается деятельность священников, поставивших главною своею целью искоренить между горцами их суеверия и предрассудки — проповедью и переводами на понятный осетинский язык священных и церковных книг, из коих многие уже употребляются в церквях. Ревностными и полезными деятелями в этом отношении оказываются особенно следующие: благочинные священники: отец Михаил Сухиев и отец Харитон Иниев, и священники: отец Алексей Гатуев, отец Кузьма Токаев и отец Соломон Жускаев» [9].

В предисловии Гатиев определил цели своей статьи: «Раскрывая истины христианской веры, миссионер должен будет указать и на те заблуждения, которые противны ей. Желание облегчить труд будущих просветителей осетинского народа заставило нас составить предлагаемое описание наиболее распространенных у осетин суеверий и предрассудков» [9].

Редакция «Сборника сведений о кавказских горцах» также решила опубликовать статью Гатиева, но предвари-

тельно обратилась к автору, чтобы он включил в свою статью материал об осетинских праздниках. «По просьбе редакции, автор дополнил свое описание суеверий осетин и составил подробное изложение осетинских праздников» [10, 83]. В 1876 г. статья Б. Гатиева «Суеверия и предрассудки у осетин» в расширенном виде была опубликована в «Сборнике сведений о кавказских горцах» [10].

Редакция газеты «Терские ведомости», продолжив в 1877 г. публикацию статьи Гатиева, писала: «Появление этого продолжения в нашей газете связано с личным желанием автора, стремящегося своим трудом способствовать уничтожению предрассудков в среде его современников, так как «Терские ведомости» более распространены в области, чем «Сборник», а, следовательно, и разумное слово просвещенного автора скорее достигнет тех, для которых оно собственно и назначено. Труд почтенного автора составит целый ряд статей, содержащих богатый материал для желающих ознакомиться с духовным миром осетин» [11]. Однако в газете были опубликованы лишь два отрывка из последней части работы [12].

В статье Гатиева «Суеверия и предрассудки у осетин», содержащей богатейший этнографический и фольклорный материал, дана широкая картина народных обычаев, обрядов и ритуалов.

В начале статьи Гатиев рассмотрел похоронные обряды осетин — обряд оплакивания и самоистязания, обряд отрезания у вдовы косы, обряд посвящения коня покойнику, включая вольную передачу на русском языке речи посвятителю, поминки, понятия о загробной жизни. Объясняя причины проведения многочисленных поминок, он писал, что горца после смерти и похорон члена его семьи «грызет мысль,

что покойнику на том свете нечего есть. Несчастный истрачивает в продолжение года все свое имение на поминки. Справляя их, он должен приглашать всех жителей не только своей деревни, но и окрестных аулов. В противном случае он подвергает всю свою фамилию вечному нареканию. Каждый мальчик считает себя вправе упрекнуть его в том, что у него мертвые едят траву, не имея священного хлеба, черного пива и синей араки» [10, 11]. Гатиев пришел к мнению, что обычай поминания усопших в Осетии, «приняв чисто суевверный характер, приносит огромное нравственное зло и ущерб материальному благосостоянию осетин. В этом отношении нельзя не пожалеть сердечного бедных горцев» [10, 11].

Автор статьи подробно остановился на тяжелом положении вдовы после смерти мужа. Анализируя статью Гатиева, профессор М. С. Тотоев отмечал: «Характеризуя в деталях все эти культовые обряды, он смотрел на них не с точки зрения равнодушного регистратора и созерцателя, а одновременно высказывал и свое отношение по некоторым из них. Он показал анахронизм одних обычаев и разорительный характер других для народа. Так, говоря об обрядах по умершим, он подчеркнул, что они в особенно тяжелые условия ставят женщину, когда умирает ее муж. Он сочувствовал тяжелой доле горянки-осетинки и находил, что в условиях, когда Осетия стала воспринимать начала «христианской» цивилизации, эти обряды должны измениться в сторону облегчения ее положения» [6, 88].

В своей статье Гатиев осветил некоторые наиболее важные моменты осетинской свадьбы: обряд прощания невесты с домом отца, обряд приобщения невесты к домашнему очагу мужа, обряд смазывания невестой чувяк свекро-

ви кусочком курдючного жира «в знак покорности, смирения и благоговейного уважения», подведение невесты к священному опорному столбу Сæры зæд и вверение ее покровительству божества Сæры зæд, приведение невесты к священному камню Мады Майрæм.

Описывая знахарские обряды, совершаемые над больным ребенком, Гатиев разоблачал приемы знахарок при так называемом «лечении» детей.

Далее Гатиев описал календарные и общинные праздники осетин: Бынаты Хицау («Дыууæйы астæу»), Æрвдзæвды куывд, Хоры бон, Тутыры комдарæн, Фæлвæра куывд, Хуыцау дзуар, Устыты кувд, Чызджыты бадæнтæ Мады Майрæмы тыххæй, Уастырджи, Комуадзæн, Хъæуы зæды кувд, Аларды бадæнтæ, Реком æмæ Мыкалгабырты бадæнтæ, Гудырты ком, Сау дзуар, Уациллайы нывонд гал, Арвягты куывд, Хуыцау нывонд гал, Рыны бардуаг. Гатиев привел поверье «Похищение дивных, урожайных семян из Курыса душами сонных людей» [10, 26-27], являющееся одним из проявлений земледельческой основы Нового года. Он осветил охотничьи обряды, скачки по умершим, устраиваемые на поминках.

Гатиев рассмотрел верования, связанные с представлениями о затмении луны: Ахары дур — (всепотрясающий и пожирающий камень), Зæххылхæцæл гал (поддерживающий землю бык), Мæй-хортæ (пожиратели Луны), Хурхортæ — пожиратели солнца).

В заключение статьи Гатиев дал обстоятельную характеристику различным формам клятв, заклинаний и проклятий в случае воровства, убийства и других преступлений.

Статья Б. Гатиева «Суеверия и предрассудки у осетин» послужила одним из главных источников работы В. Ф. Миллера «Религиозные верования осетин»,

которая составила вторую часть его знаменитого труда «Осетинские этюды» [13, 237-301]. В начале своей работы Миллер писал: «Источниками сообщаемых ниже сведений о верованиях осетин служат: статья г. Гатиева, природного осетина, «Суеверия и предрассудки у осетин», помещенная в «Сборнике сведений о Кавказских горцах», рукописная записка священника Гатуева о дигорских дзуарах и некоторые сведения, собранные нами на месте или сообщенные нам г. Туккаевым и Кокиевым» [13, 238].

Первый раздел работы «Верования в высших духов» содержал большой материал из статьи Гатиева. При рассмотрении Уацилла — «небесного духа, заведывающего громом и молнией», В.Ф. Миллер привел обряд, проводившийся в том случае, когда пораженный молнией человек выживал [13, 241-242]. При характеристике патрона овец Фæлвæра Миллер воспроизвел легенду о смирении Фæлвæра [13, 244].

При анализе образа Барастыра — «властителя над мертвыми в загробном мире», Миллер упомянул легенду о том, как Барастыр «по ходатайству «великого гостя» выпустил грешников из зындона и ввел их в дзенет, к крайнему огорчению гостей, которые их мучали» [13, 246]. По мнению Миллера, «в этой легенде отразилось предание о сошествии Христа в преисподнюю, но имя Христа, “Чырысти”, не упоминается» [13, 246].

При характеристике образа покровителя цепи домашнего очага Сафа, Миллер сослался на высказывание Гатиева о том, что «Сафа дал первый образец для существующих на земле цепей и продолжает творить их на небе и в настоящее время» [13, 248].

При описании покровительницы женщин Мады-Майраэм, которую Мил-

лер рассматривал как «мать Марию, занесенную к осетинам еще ранней проповедью христианства», он привел описанный Гатиев ритуал, совершаемый при брачном обряде, когда невесту подводили к священному камню, именуемому Мады-Майраэм: «Приближаясь к священному камню, мальчики бросают в него камнями и пулями, восклицая при этом: вот столько мальчиков (сколько камней и пуль) и одну синеокою девочку поддай, Майраэм, нашей доброй невестке!», и упомянул о молитве, совершаемой потом шафером [13, 252].

Анализируя покровителя дома Бынаты Хицау, Миллер опубликовал материал Гатиева о духах, покровительство которых «полезно во время путешествия — Фæндаджы зæд — *ангел пути* и Хъилы дзуар — *святой шеста*: последнего просят при брачном обряде охранять арбу молодых от падения» [13, 254]. Здесь же Миллер поместил его текст молитвословия шафера, обращенного к Сæры зæд при окончании свадьбы [13, 255].

Делая обзор дигорских дзуаров, размещенный во втором разделе «Осетинские дзуары», Миллер использовал материал из статьи Гатиева по поводу дзуара Тыхост в Унале. Он привел молитвословие к Тыхосту, к которому прибегали в случае, если молитвословие к Уацилла о ниспослании дождя не подействовало [13, 258].

В третьем разделе «Общественные праздники» также было много материалов из статьи Гатиева. При рассмотрении обрядности в праздник Ног бон, на котором изготовлялся большой пирог — Артхурон, который должна была съесть вся семья без посторонних, Миллер опубликовал молитвословие, в котором упоминался «Хуратхурон» — «огонь-сотоварищ солнца» [13, 266].

По мнению Миллера, «это имя вариант Артурон'а и что под последним следует видеть земной огонь, олицетворение небесного огня солнца. На это намекает и убеждение, что Артурон посылает кожные болезни, потому что последнее, по народным суевериям, находится в связи с огнем и солнцем» [13, 266-267].

В этом же разделе при анализе культуры домового Бынаты хицау Миллер сослался на Гатиева, который писал, что у иронцев этот праздник назывался «дыууаы астау», т.е. «среди двух», и отмечался под сроду между Рождеством и Новым годом.

Миллер подробно остановился на существующем у осетин поверье о том, что «души некоторых людей во время сна оставляют тело и предпринимают поездку в таинственную область, из которой привозят счастье, урожай и болезни, особенно кашель» [13, 270]. В числе вариантов этого поверья, различающегося по названию области, в которую прилетали души, и подробностями ночного путешествия, Миллер привел вариант Гатиева. Эту область Гатиев называл «Курис» — луг, «на котором растут семена различных земных произведений, а также счастья и несчастья. Он составляет собственность мертвых» [10, 26].

Миллер акцентировал внимание на сведениях Гатиева о том, что «самый строгий пост соблюдался в честь Тутыра в чистый понедельник (память св. Феодора Стратилата); в течение этого дня горные жители с восхода до заката солнца не пьют и не едят. Этот пост называется *держание рта Тутыра*, т.е. по примеру Тутыра»; здесь Миллер полностью воспроизвел молитву Тутыру [13, 273-274].

В связи с держанием осетинами Великого поста — Стыр мархо, который, по мнению Миллера, на плоскости соблюдался строже, чем в горах, он про-

цитировал высказывание Гатиева о причинах соблюдения поста: «взрослые и старики объясняют, что постятся потому, что говорят, на том свете Чырысти (Христос) даст место для души того человека, который в этом мире постился» [13, 274].

Миллер воспроизвел молитвословие из статьи Гатиева, которое хозяин дома произносил в праздник Комуадзæн — Разговенье [13, 274-275].

При описании празднества в честь патрона оспы Аларды Миллер обратил внимание на приведенный в статье Гатиева вариант его празднования в с. Згид [13, 275].

Миллер привел также свидетельство Гатиева о том, что Устыты кувд справлялся осенью одновременно с кувдом Хуцауы дзуар [13, 277].

Миллер отобразил описанный Гатиевым кувд в честь патрона домашнего скота Фæлвæра и воспроизвел молитву, произносимую на нем [13, 278]. Он отметил, что в августе церковь отмечалась память в честь святых Флора и Лавра, и высказал предположение о том, что «вместе с ранним христианством имена этих святых были занесены к осетинам и, произносясь постоянно рядом, исказились в течение времени, может быть под влиянием так называемой народной этимологии, в имя Фæлвæра?» [13, 278-279].

При рассмотрении праздника Хоры бон Миллер почти полностью воспроизвел описанный в статье Гатиева вариант устройства праздника в горной Осетии, посвященного Уацилла [13, 280-281]. Сравнив празднование Хоры бон в плоскостных селениях и в горных районах, Миллер отметил, что более древние черты сохранил праздник, отмечавшийся в горах [13, 279-280].

В.Ф. Миллер дал описание девичьего праздника «Чызджыты бадæнтæ

Мады Майраемы тыххæй» («Сидения девушек ради Матери Марии»), отмечавшегося в конце осени. По сведениям Гатиева, в горах этот праздник продолжался целую неделю, в отличие от плоскогорных селений, где он отмечался в течение одной ночи.

Миллер привел краткое описание праздника в честь Уастырджи, справлявшегося в конце ноября [13, 281-282].

В четвертом разделе — «Домашние обряды» — Миллер разместил описанный Гатиевым обряд, совершаемый знахаркой над заболевшим ребенком, отметив, что образчик самого заговора содержится в его статье [13, 291-293].

При описании свадебных обрядов осетин Миллер остановился на религиозных верованиях, связанных с домашним очагом: «Переходя из родной семьи в чужую, осетинская девушка оставляет духа-покровителя домашнего очага и поступает в ведение такого же домашнего патрона дома мужа. Поэтому она должна проститься с родным очагом и получить от домашнего патрона благословение на уход» [13, 292]. Миллер дал приведенное в статье Гатиева молитвословие старшего при прощании невесты с домашним очагом, произносимое после того, как шафер трижды обводил вокруг надочажной цепи невесту, которая в конце третьего оборота должна была прикоснуться к цепи [13, 293]. По приезду в дом жениха, шафер вел невесту к очагу и надочажной цепи, перед которыми она должна была преклониться, а шафер просил у них благословения. Кроме того, Миллер дал описанный Гатиевым обряд подведения невесты к западному углу сакли, где был расположен украшенный рогами домашних и диких животных священный опорный столб — Сæры зæд (ангел головы). Перед ним шафер вверял невесту покровительству божества Сæры

зæд [13, 293]. Миллера заинтересовал этот обряд, поскольку он отсутствовал в описании свадебного обряда у Дж. Шанаева.

Анализируя похоронные обряды осетин, Миллер обратил внимание на отображенный в статье Гатиева обряд, в котором «близкие покойнику женщины; остановясь довольно далеко от гроба и потом медленно подходя к нему, они рвут на головах своих волосы и царапают ногтями себе лица, так что на щеках у них делаются струпы. Затем шаг за шагом начинают подходить к покойнику братья, сыновья и племянники, ударяя себя плетью в затылки и издавая глухие восклицания. Когда они приблизятся к ногам покойника, сверстники их, подбежав, отбирают у них плети» [13, 294].

Таким образом, В. Ф. Миллер в своем знаменитом труде широко использовал материалы Б. Гатиева, ввел их в научный оборот.

Материалы Гатиева также были использованы М. М. Ковалевским во второй главе «Религиозные верования и общественное устройство осетин» его фундаментального труда «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» [14, 81, 83, 89].

Крупный французский ученый, виднейший представитель неомифологической школы Жорж Дюмезиль обращался в своих трудах к материалам Гатиева при исследовании Нартовского эпоса осетин, сравнительном изучении этнографии скифов и осетин. В сборнике его трудов «Осетинский эпос и мифология» немало ссылок на этнографические и фольклорные материалы Гатиева [15, 58, 139, 141, 146].

Российский этнограф М. О. Косвен в своем историографическом труде «Материалы по истории этнографиче-

ского изучения Кавказа в русской науке» отметил фамилию Гатиева среди тех, кто писал в 70-е гг. XIX в. на этнографические темы: «...70-е годы характеризуются началом более широкого и углубленного изучения этнографии отдельных народов Кавказа или отдельных сторон культуры, в частности общественных отношений, а вместе с тем и общим развитием кавказоведческой этнографии... Особое развитие получило осетиноведение. Большая заслуга принадлежит здесь авторам-осетинам: Шанаеву, Канукову, Гатиеву и ряду других» [16, 273]. В небольшой справочной статье он осветил вклад Б. Гатиева в этнографию осетин [16, 259].

Это время оказалось для осетин временем начала расставания с прошлым жизненным укладом. Гатиев, как и другие авторы 70-х гг. XIX в. — Д. Т. Шанаев, И. Д. Кануков [17], священники К. Токаев [18, 38] и С. Мамитов [19, 180-181], — осознавали, что развитие цивилизации требовало от людей принятия новых ценностных ориентаций, призывали отказаться от таких обычаев, как кровная месть, похищение девушки, калым, дорогостоящие поминки, и привлекли внимание к проблеме бесправного положения женщины (см., например: [20; 21]).

Почти нет ни одного современного исследования о духовной жизни осетин, где бы ни упоминалось о статье Гатиева. Профессор Л. А. Чибиров считал, что «исключительного внимания заслуживает выдающийся для своего времени труд Б. Гатиева «Суеверия и предрассудки у осетин». Пожалуй, трудно найти во всем дореволюционном осетиноведении работу об осетинах, которую можно было бы сравнить с ней по богатству материала, по самобытности и оригинальности, кото-

рая бы так предельно ярко раскрывала духовный мир осетинского народа; даже в переводе на русский язык, приводимые в работе молитвы, формулы, заклęcia не потеряли своего национального колорита и необыкновенного звучания. Тонко зная быт и нравы родного народа, Б. Гатиев сумел подробно описать свадебные, похоронные и другие обычаи и обряды, народные праздники, осетинскую мифологию и пантеон, пережитки ранних форм религии, суеверия и предрассудки. Автор указывает на большой вред поминок, сочувственно относится к положению простого народа, женщины-осетинки... Будучи своеобразной энциклопедией религиозных верований и суеверий осетин, эта работа и по настоящее время остается настольной книгой для всех, кто интересуется духовной культурой как осетин, так и других ираноязычных народов» [22, 10-11].

Л. А. Чибиров опубликовал статью Гатиева «Суеверия и предрассудки у осетин» в III томе «Периодической печати Кавказа об Осетии и осетинах». Аргументируя необходимость публикации статьи, он писал: «Ввиду исключительной важности работы Б. Гатиева для исследователей духовной культуры осетинского народа, мы воспроизводим ее по книге: «Сборник сведений о кавказских горцах», где она была опубликована полностью... Полная ее публикация — дело в высшей степени полезное и нужное; к тому же дореволюционные ее издания давно уже стали библиографической редкостью и широким читательским кругам почти недоступны» [22, 11, 149].

Борис Петрович Гатиев внес большой вклад в развитие церковно-исторической литературы и этнографического осетиноведения.

1. НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1.
2. НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 66.
3. Знаменский П. В. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1870.
4. Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870 гг.). Казань, 1892. Вып. 3.
5. О заслугах для Отечества Троицко-Сергиевой Лавры в смутное время. Сочинение осетина Бориса Гатиева. М., 1871.
6. Тотоев М. С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе, 1957.
7. О заслугах для Отечества Троицко-Сергиевой Лавры в смутное время. Сочинение осетина Бориса Гатиева. М., 1871.
8. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // ТВ. 1871. №1, 2, 4, 5, 6.
9. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // ТВ. 1871. №1.
10. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // ССКГ. 1876. Вып. IX. С. 1-83.
11. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // ТВ. 1877. №6.
12. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // ТВ. 1877. №6, 8.
13. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1882. Ч. II.
14. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886. Т. 1.
15. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
16. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1958. Т. II.
17. Гостиева Л. К. Вклад Инала Канукова в развитие этнографического осетиноведения // Современные проблемы науки и образования. 2013. №3. URL: <http://www.science-education.ru/109-8824>
18. Гостиева Л. К. Протоиерей Косьма Токаев: миссионер, просветитель, педагог, этнограф // Известия СОИГСИ. 2009. Вып. 3 (42). С. 32-44.
19. Гостиева Л. К. Протоиерей Стефан Мамитов — деятель осетинской культуры // Кавказоведение в XXI веке: проблемы, идеи, решения (II Всероссийские Миллеровские чтения). Владикавказ, 2011. С. 179-202.
20. Осетины/Отв. ред. З. Б. Цаллагова, Л. А. Чибиров. М., 2012.
21. Гостиева Л. К. Роль старшей женщины в семье (по материалам Северного Кавказа) // Женщина и свобода: Пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы Международной конференции. М., 1994. С. 192-199.
22. Чибиров Л. А. Предисловие // ППКОО/Сост. Л. А. Чибиров Цхинвали, 1987. Т. III.